

Интервью с Марией Сергеевной ТЫСЯЧНЮК

«Я – ФЕНОМЕНОЛОГ, МНЕ НРАВИТСЯ ЧТО-ЛИБО ОБЪЯСНЯТЬ И СОЗДАВАТЬ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ»

Тысячнюк М. С. — окончила биологический факультет ЛГУ (1978 г.), магистерскую программу наук об окружающей среде Бард Колледжа в (1998 г.), аспирантуру в Университете Вагенингена в (2012 г.); кандидат биологических наук (1984 г.), Ph.D. in Sociology (2012 г.); Научный сотрудник ЦНСИ, координатор направления «экологическая социология».

Основные области научного интереса: экологическая социология, экономическая социология, социология транснациональных процессов, этнография народов Севера

Интервью состоялось: июль 2016 г.

Сегодня – 1 августа 2016 года, более года назад я решил не начинать новые интервью, лишь доделывать начатые, но в силу разных обстоятельств не законченные. И четко следовал этому решению. Но 10 или 11 июля я прочел на моей facebook-странице слова Марии Тысячнюк о том, что ей было бы интересно рассказать о себе. Я практически ничего о ней не знал и ответил ей: «Мария, я готов провести с вами интервью, я понял, вы работаете в команде Виктора Воронкова... но есть один существенный момент... я сейчас составляю 9-томник моих работ по истории социологии, в который войдут и все интервью; делается это к Конгрессу, который состоится в Екатеринбурге в 20-х числах октября; чтобы успеть все с диском, я должен ВСЕ тексты передать в макетирование (я уже передаю частями) не позже первой недели августа... если вы готовы работать над интервью в ударном режиме, начнем...

12 июля мы начали. Кто лишь начнет читать рассказ Марии Тысячнюк о своей жизни и характере ее деятельности, сразу поймет, что сжатые сроки никак не пугают ее; она всегда много работает, всегда – под прессом внешних обстоятельств, всегда в дороге, всегда в (для многих других) экстремальных обстоятельствах. Для иллюстрации сказанного замечу, что 29 июля мы закончили наше интервью. При этом, в течение прошедших 2,5 недель Мария проводила свою плановую работу в нескольких поселках Аляски, а затем поехала на Гавайи писать статьи и познавать острова.

Но рад я не тому, что провел очередное (точнее – совсем внеочередное) интервью, оно стало 141-м, но меня устраивало «даже» 140. Рад я тому, что обнаружил в нашем профессиональном сообществе ярко выраженный тип, по словам Марии, «научно-номадической жизни». Она легко, радостно, переезжает из страны в страну, работает в разных иностранных университетах, участвует в многочисленных научных форумах, публикуется в зарубежных журналах с высоким значением импакт фактора.

Я обнаруживал нечто подобное, но в более «стертой форме», в рассказах других российских социологов, и понимал, что эта нередкая для американских и западно-европейских ученых форма организации труда и жизни захватит и российских социологов. Но мне казалось, что это модель – будущего, ее станут осваивать социологи VI-VII поколений. Ошибся, одной из первых это стала делать Мария Тысячнюк, принадлежащая к IV генерации социологов. В этом смысле она – обогнала свое время.

М. С. Тысячнюк: «Я – феноменолог, мне нравится что-либо объяснять и создавать свои собственные теоретические концепции»

Мария, не ждали, не гадали, что сегодня начнем наш разговор, однако... в тех отрывочных сведениях, что я нашел о Вас в Интернете, сказано, что Вы закончили биологический факультет ЛГУ. Вы и родом из Ленинграда? В любом случае, пожалуйста, расскажите немного о Вашей родительской семье?

В моей семье все биологи, дедушка был академик, Алексей Алексеевич Заварзин, он создал теорию параллельных рядов эволюции, мама и дядя продолжали его работу. Он умер в послевоенные годы, когда я еще не родилась, но наш дом жил его идеями. Бабушка и дедушка в Сталинские времена не ложились спать, ждали черный ворон и арест, который, к счастью не произошел. Наоборот, семье дали почти целый этаж в ведомственном доме Института экспериментальной медицины. Над нами был этаж, который занимал Иван Петрович Павлов. Мое детство прошло среди ученых, они собирались у нас дома, я слушала их разговоры об эволюции беспозвоночных и диссидентские политические разговоры.

В школьные годы каждый день мама напоминала, что нельзя рассказывать в школе ничего из того, что я слышала дома. Я научилась быть пионеркой в школе и диссиденткой дома. Времена были уже не страшные, никого в тюрьму не сажали, мама и дядя перестраховывались. Я училась в Испанской школе, где директором была Афанасьева Надежда Александровна, мама Лены Здравомысловой. Я была в нее влюблена с первого класса и на всю жизнь... Каждое лето я ездила с мамой в экспедиции, на Белое море, на Дальний Восток, очень любила путешествия. К биологии относилась хорошо, но мне всегда больше нравились гуманитарные науки, литература, иностранные языки и психология.

Я боялась, что не поступлю на филфак, поэтому поступила на биофак. Мне было неловко, что я живу как бы в тени своих родных, дядя заведовал кафедрой Гистологии на биофаке, мама доктор наук в Институте эволюционной физиологии и биохимии им. Сеченова—все продолжали труды дедушки Заварзина. Я решила, что раз уж я уже на биофаке, то тоже продолжу его труды вместе с мамой, хотя у меня всегда было внутреннее сопротивление и, на самом деле, не хотелось идти по стопам.

Если, Мария, мы начнем говорить о том времени и о биологии, будет сложно закончить. Заметно раньше Вас я учился на мат-мехе ЛГУ и, если можно так сказать, «специализировался» в биометрике. Многие годы был членом биометрического семинара Олега Михайловича Калинина, изучал работы Гальтона, Пирсона. У нас часто выступал Александр Александрович Любищев, Раиса Львовна Берг, я слушал лекции профессоров Терентьева и Токина. А начинал мою социологическую деятельность под руководством Андрея Григорьевича Здравомыслова. Какими направлениями биологии вы занимались в студенческие годы?

Да, о биологии можно говорить бесконечно! Мне всегда нравилась Раиса Львовна Берг, а вот к лекциям Токина я относилась скептически, много теоретических натяжек... Я занималась нейрогистологией и энтомологией. Моя дипломная работа была посвящена структурной организации нервной системы клопа Вредная

черепашка. Она плавно переросла в кандидатскую диссертацию. Дедушка, Заварзин, окрашивал метиленовой синью брюшную нервную цепочку беспозвоночных и показал схожесть ее организации с позвоночными, выявил параллельные ряды эволюции, так, например брюшная нервная система мухи отличается высокой организацией и сравнима с мозгом человека. Моя мама всю жизнь изучала структурную организацию нервной системы стрекозы Эшна (Aeshna). Мамин любимый руководитель, который был и моим наставником — Г. А. Невмывака, всю жизнь исследовал нервную систему дождевого червя. Он всегда говорил с сожалением: «Жизнь такая короткая, а нервная система червя такая длинная, только бы успеть». Я в свою очередь исследована центральную нервную систему клопа Вредная черепашка (*Eurigaster integriceps*). Это было необходимо для эволюционных обобщений теории параллельных рядов эволюции.

Я, как и все мои родные, училась на препаратах Заварзина. В отличие от родственников, я заинтересовалась эндокринной системой насекомых и исследовала нейросекреторные клетки клопа Вредная черепашка. Для этого применяла другую методологию гистологической окраски. Часть дипломной и кандидатской диссертации делала в Москве у Алексея Алексеевича Панова, специалиста по эндокринологии насекомых, часть в Институте защиты растений, а основную часть (под руководством Владимира Леонидовича Свидерского и моей мамы Плотниковой Светланы Ивановны) в Институте эволюционной физиологии и биохимии. В дальнейшем, я не порвала связь с Институтом эволюционной физиологии и биохимии, когда маме исполнилось 90 лет, она стала хуже видеть и не могла успешно находить литературу по специальности в интернете, я ей помогала с поиском литературы на английском языке и в написании дискуссии к ее статьям. Она внезапно переключилась на исследование нервной системы американских тараканов, а руки уже были не те, я помогала делать препараты.

Четыре года назад, когда к маме, приезжал Николас Штраусфельд (известный ученый из Университета Аризоны), я помогала его принимать, он знал мои ранние работы и думал, что я до сих пор работаю по специальности, перед его приездом я прочитала все современные работы в области нейробиологии и иммунохимии. Это был мой, слегка ностальгический, поход в прошлое. Мы с мамой помогали Штраусфельду написать главу о моем дедушке. Книга вышла очень красивая, Штраусфельд увез наши лучшие препараты для электронной библиотеки, обещал сделать их реконструкцию, используя современную компьютерную технику, которой нет в России.

На какие годы пришла Ваша студенческая пора? Что Вас интересовало за стенами биологических лабораторий?

Это были Брежневские времена, я ходила на выставки, 2–3 раза в неделю в театр, очень часто в Мариинку, читала Солженицына (рукописи передавали из рук в руки). Мы встречались в Сайгоне, на Невском, с Леной Здравомысловой и ее друзьями, меня к ним тянуло, но я была маргинальным членом их компании. Это была социологическо-биологическая тусовка, обсуждали мировые проблемы. Иногда ходили на нелегальные выставки в квартирах с друзьями с биофака, один раз, помню, нагрянула милиция, и мы выпрыгивали из окна. Летом путешествовала 3 месяца подряд, 1–2 месяца в экспедициях, а потом сама. Время было достаточно беззаботное и счастливое.

В каком году Вы окончили биофак и что было затем? Аспирантура или исследовательская работа?

Я закончила Биофак в 1978 году, оформила соискательство в Институте эволюционной физиологии и биохимии, и поступила на работу старшим лаборантом в Институт защиты растений (в Пушкине). Моя диссертация была в области фундаментальной нейрогистологии, а работа в Институте защиты растений прикладная. Клоп Вредная черепашка, большой вредитель полей Краснодарского края. Мы испытывали ювенильные гормоны, которые заставляли клопа спать летом, вместо нажировочного питания, без жира клопы вымирали зимой. Предполагалось, что гормональная обработка полей менее вредна, чем пестициды, но я думаю, что вредна. В Институте эволюционной физиологии и биохимии я продолжала исследования в русле моей семьи и дипломной работы, у меня были публикации в реферируемых журналах еще в студенческие годы. В 1979 году у меня родился сын, и я перешла на работу в Педагогический Институт им. Герцена, обучилась анатомии и физиологии в Первом Меде и стала преподавать анатомию и физиологию в Педагогическом институте им. Герцена, в 1984 году защитила кандидатскую диссертацию и вскоре стала доцентом.

Все так гладко, внутри своего профессионального сообщества... и когда и почему обозначилась социология?

Мой путь в социологию был очень долгим, через психо—физиологию, науки об окружающей среде, исследования третьего сектора, прикладные социальные исследования, инициативные проекты в области окружающей среды... Студенческая пора была долгой, одни студенческие годы проходили, а другие начинались в разных западных университетах. Когда я работала в Институте Герцена, я стала немного удаляться от нейрогистологии. Кафедра называлась — Анатомии и физиологии человека, и Юрий Анатольевич Даринский, наш заведующий кафедрой, намекал, что нужно бы заняться человеком, а не насекомыми. Я всегда интересовалась психологией, и у меня был друг (коллега) психолог — Виктор Таланов, бывший физик, с которым мы развернули целое направление психо-физиологии на кафедре, вместе вели дипломников, у нас их было очень много.

Мы исследовали зрительную угловую иллюзию у детей и студентов, проводили массу психологических тестов и искали корреляции с чертами характера. По зрительной угловой иллюзии пытались предсказывать акцентуации личности. Это было интересно, но я немного скептически относилась к результатам наших исследований, по сравнению с нейрогистологией, мне казалось, что это — шаг назад в науке. Мы ездили на массу конференций по психологии и возили с собой дипломников. Тогда на кафедре были хоз-договоры, были специальные сотрудники, которые их выполняли, а деньги делили на всех преподавателей; мы много ездили, то в Узбекистан, то в Украину, то на Дальний Восток, то в Сибирь. В семье говорили: «Ну и фигней же ты, Маша, занимаешься» А наш профессор Даринский, наоборот, радовался, что у нас много дипломников и публикаций. Тогда никто не знал об импакт факторе, любая напечатанная работа считалась публикацией: любые тезисы, любые сборники трудов... У нас было своеобразное разделение труда: Виктор помогал студентам измерять зрительную иллюзию и проводить тесты, он же считал статистику, а я писала тезисы и статьи в сборники. Я тогда была рьяным преподавателем, студенты жили у меня дома (смотрели за сыном), мы очень увлеченно занимались

дипломами, кроме того, я препарировала трупы в Первом Меде и приносила новые самодельные экспонаты в наш анатомический музей. Студенты всегда были вокруг, и дома, и на даче, иногда мы с ними сидели в институте до часу ночи, обсуждали наши исследования. Я согласна с мамой, что в науке, возможно, это был шаг назад, но в преподавании точно шаг вперед.

Так продолжалось до Перестройки, а когда она настала, то было уже не до зрительной угловой иллюзии. Я была очарована Перестройкой! Бабушка рассказывала мне о революции 1917 года, я была вдохновлена тем, что смогу рассказать внукам о перестройке и о Михаиле Горбачеве. Все хотелось наблюдать и документировать.... Тогда у Казанского Собора собирались люди, незнакомцы, и просто разговаривали о политике. Меня туда тянуло, и я устраивала со студентами своеобразные флэш-мобы—мы выходили на газон с человеческими костями и там проводили занятия по анатомии. Вокруг нас собиралась толпа, все, в конце концов, переключались на разговоры о политике. Вскоре об этом прознал деканат, и мне сказали, что кости не должны покидать пределы кафедры! Когда случилась Чернобыльская авария, я влилась в движение за охрану окружающей среды. Тогда страны Прибалтики уже хотели отделиться, и экологическое движение было связано с движением за независимость. Олег Яницкий исследовал эти общественные движения, Ольга Цепилова изучала протесты против загрязнения в Киришах, ну а я просто наблюдала и участвовала в разных акциях. В 1992 году в Институте Герцена стали задерживать зарплату, у мамы на работе тоже, было трудно доставать реактивы для нейробиологических исследований, ученые практически перестали работать, приходили на работу и бесконечно пили чай. Хоздоговоры все закончились...

Тогда я стала ездить в Турцию и в Польшу челноком, совмещала это с преподаванием в Институте Герцена, успевала ездить между занятиями. Это было достаточно увлекательно, убегать от мафии, перевозить через границу 20 громадных сумок. Я изучила достопримечательности Стамбула и успевала проводить там экскурсии для туристов на английском языке. Успевала развлекаться... но челночная работа, конечно, сказывалось на основной работе, студенты стали получать меньше внимания. Социологи, знакомые Лены Здравомысловой, брали у меня интервью. Они все время хотели услышать о тяготах жизни и вынужденности поездок, но я сама воспринимала поездки как приключения и жажду путешествий, хотя заработок, конечно, тоже был важен. Мои интеллектуальные друзья, философы, жаловались, что я стала разговаривать о турецких трусах и ценах, а не о книгах. Я и сама почувствовала, что с этим бизнесом нужно завязывать, иначе трудно будет вернуться в науку. Меня утешало то, что я могла заказывать маме нужные реактивы из Германии, и она, и ее коллеги могли продолжать худо-бедно нейробиологические исследования.

И тут появились гранты! Лена Здравомыслова первой поехала в Америку по программе IREX, по возвращению, она помогла мне написать мой первый грант на обучение в Центральном Европейском Университете в Будапеште, и я его получила, и поехала на летнюю программу изучать науки об окружающей среде. Меня тогда интересовали экологические движения и социальные аспекты охраны окружающей среды. И потом понеслось... Тем, кто успешно закончил программу в Будапеште, Фонд Сороса дал грант на дальнейшее обучение, мы сами выбирали куда ехать. Тогда я еще как-то старалась увязать свое обучение с интересами нашей кафедры анатомии и физиологии, поехала в Эдинбург изучать экологию человека (Human Ecology), это

были уже социальные науки. Потом я получила следующий грант и поехала изучать науки об окружающей среде в Бард Колледж, штат Нью Йорк. Это была магистерская летняя программа, можно было получить магистерскую степень за четыре лета.

Я выбрала летнюю программу потому, что не хотела бросать работу в Институте Герцена, преподавала по-прежнему, но интересы были уже не те. Мой грант был только на одно лето, а потом администрация Бард колледжа стала переживать, что я не плачу за обучение. Колледж, в конце концов, дал мне стипендию, но не покрывал расходы на жилье. Я тайно жила под столом моего научного руководителя Жоржа Маккарти (George McCarthy). Утром складывала спальник, убирала в шкаф и уходила в бассейн. Когда приходила, в офисах уже были люди, никто ни о чем не догадывался. Секьюрити меня постоянно будили по ночам, предлагали отвезти домой на своей машине, но дома то и не было, хотя был пропуск для работы по ночам. Потом удалось подружиться с секьюрити, и они перестали проверять этот офис по ночам. Вскоре я получила грант от Американского совета учителей русского языка (American Council of Teachers of Russian) на полугодовую стажировку в Штаты, приехала и «нормально» жила в съемной комнате. Тогда на кафедре в Институте Герцена за меня радовались, отпустили на полгода, даже гордились мной. Но потом я получила грант по экономической программе, изучать экономику в США... с этой стипендией закончила мою магистерскую программу и защитила магистерскую диссертацию по теме «Устойчивое развитие в России и США».

Трудно определить, была ли это социология или просто социальные исследования. За этим последовала стипендия Фулбрайт — на 8 месяцев в Штаты. И тут-то терпение ректората в Институте Герцена не то чтобы лопнуло, но меня начали спрашивать, а не хотите ли Вы поменять специальность? А Вы точно вернетесь? Решили, что я уволюсь, но если после возвращения захочу обратно, то меня возьмут снова доцентом. Раньше, когда я уезжала в Штаты, я просто отдавала зарплату коллегам, а они меня заменяли, неся двойную нагрузку. Теперь появилась возможность взять другого сотрудника на мое место. Чтобы не терять стаж, я перенесла свою трудовую книжку в ЦНСИ, там и осталась работать до настоящего времени. Стажировку по Программе Фулбрайт я проходила в Нью Джерси, в Рамапо колледже (Ramapo College of New Jersey), там в первый раз в жизни стала преподавать в Штатах... После возвращения в Россию гранты потекли рекой, я курировала обменные программы между учеными из России и США (12 таких программ, профинансированных фондом «Доверие и Взаимопонимание» [Trust for Mutual Understanding]), три гранта Макаруров подряд, 6 грантов Сороса, и много других, преподавала в Центральном Европейском Университете, в Будапеште. Бард колледж тогда создавал в Питере Смольный колледж либеральных наук и искусств, они меня вдохновили преподавать там, на открытых курсах, это было увлекательно. Меня, как и раньше, любили студенты, и мои выпускники курсов стали сотрудниками ЦНСИ, у нас создалась группа экологической социологии. Среди них Алла Болотова (закончила Европейский Университет и отделилась—стала коллегой), Дима Воробьев—так и не закончил ЕУ, хотя учился, Света Пчелкина, Антонина Кулясова и Иван Кулясов (Кулясовы и сейчас в ЦНСИ), намного позже, я уже забегаю вперед, в нашу группу влилась Светлана Тулаева, моя невестка. Сотрудники группы стали активными участниками моих обменных программ, все постоянно ездили в Штаты, в основном в те университеты, в которых я преподавала.

Когда было мало грантов для них, а сама спонсировала исследования группы и издание книг, которые мы писали. Моих американских зарплат на это хватало сполна. Потом я получила стипендию по исследованию Благотворительности (Fellowship in Philanthropy) и поехала в Университет Джонса Хопкинса к Лестеру Саламону, там опять захотелось поучиться, и я начала программу по исследованию третьего сектора. Было увлекательно снова стать студенткой! Чтобы себя содержать, я преподавала один курс в Университете Джонса Хопкинса (Johns Hopkins University), потом два курса в Тавсон Университете (Towson University) и один в Дикинсон Колледже (Dickinson College, Pensilvania), ездила туда на Грейхаунде. В последствии, стала работать в Дикинсон колледже аджанкт-профессором, и тогда, я около года жила в Карлайле — это был один из моих любимых колледжей. Когда началась война в Ираке, мы со студентами Дикинсон колледжа по вторникам выходили со спальниками на улицу и перегораживали хай-вей, университет это приветствовал, это было весело, студенты играли на гитарах и пели песни. Так я и пробыла в Штатах 3 года, пока мой лимит по J-1 визе не закончился. Грантовая жизнь и поездки в Штаты по В-1 визе продолжались, я даже умудрялась по ней преподавать. Но, в общем и целом, война в Ираке на мне сказалась, я временно охладела к Америке, захотелось в Европу. Все время, проведенное в Штатах, я искала проекты для моей экологической группы, иногда их сама придумывала и оплачивала. Мы тогда увлекались исследованиями экопоселений в России и США, ездили вместе в поле. Это были социальные исследования, но еще не настоящая социология. Настоящая социология началась с поступления в аспирантуру в Голландии, и тогда, когда я подружилась с Саскией Сассен, Ждоном Урри и увлеклась Антони Гидденсом и Ульрихом Бэком.

Чем же Вас увлекли Гидденс и Бэк? Какие проблемы и какие пути их решения они вам открыли? Чем нагрузили Вас эмоционально?

О проблемах и их решениях я думала только тогда, когда писала гранты и отчеты, но мне всегда хотелось понять и объяснить мир вокруг себя. Когда я была нейробиологом, то пыталась все объяснить работой нейронов, на кафедре анатомии и физиологии языком гормонов и физиологических процессов, впоследствии языком психологии...ну а в социологическую бытность вообще настало раздолье, масса теорий и неограниченные возможности для интерпретации социальных явлений. В ЦНСИ все феноменологи, а Виктор Воронков, радикальный сторонник качественных методов в социологии, всегда резко противопоставляет себя позитивистам. Я искала теоретический фрейм для работы в области экологической социологии, для объяснения моих данных. До Гидденса я читала в основном Маркса, историю философии и критику марксизма (в университете), а по Гидденсу пыталась разобраться с классикой социологии. Глазами Гидденса я пыталась понять Дюргейма и Макса Вебера, не читая, к сожалению самого Вебера...(нужно прочитать!)

Интерпретативная социология, изложенная Гидденсом, была в духе миссии нашего Центра. Была интересна критика Гидденсом исторического материализма. Для ЦНСИ особенно важен микро уровень в исследованиях, хотя мне больше было интересно сочетание микро и макро уровней, как в трудах Гидденса. Я старалась понять социологическую классику через ее ре-интерпретацию Гидденсом; тогда я еще не задумываясь о создании своей собственной социологической теории. Меня интересовала модернизация и ее влияние на самоидентификацию. То ли в 2002, то ли в 2003 году у меня был грант Британского Совета (British Council); я поехала

в Лондонскую Школу Экономики и сходила на лекцию Гидденса, это была лекция в середине его курса по теории Структурализма (Structuration Theory), вот это было эмоционально, после этого я смогла осилить книгу Гидденса «The Constitution of Society» (не всю целиком, с небольшими пропусками – мощная книга). Меня вдохновляло то, что очень многое в социальном мире можно объяснить через концепцию Гидденса «структура и действие» (interplay of structure and agency), практически не отдавая предпочтения ни одному из этих элементов. Вдохновляла дискуссия о пространстве и времени в эпоху глобализации. И Мануэль Кастельс, и Джон Урри подхватили эту дискуссию вслед за Антони Гидденсом, я тоже подхватила в своей социологической теории (намного позже).

Мой собственный, постперестроечный выход в открытый, глобальный мир способствовал жажде интерпретации явлений глобализации, в особенности того, что сейчас называют глокальностью (glocal и «interplay of global and local actors across hierarchy of scales»), но это уже Саския Сассен – мастер и мой кумир. Гидденс начал дискуссию о рефлексивной модернизации, которая была развита Ульрихом Бэком. Теория рефлексивной модернизации никогда не вызывала у меня эмоций, но она хорошо объясняла необходимость изменения экологической политики. Я много работала в области экологической политики (environmental policy), была нужна объясняющая теория. Кроме всего прочего, мои научные руководители в Голландии (Артур Мол и Герт Спааргарен) ярые сторонники Ульриха Бэка и его теории рефлексивной модернизации, рефлексивная модернизация является частью их теории экологической модернизации. Я с интересом прочла труды Бэка об обществе риска (risk society). В традициях российской социологии было применение – тестирование западных социологических теорий к российскому контексту, именно тогда Олег Яницкий начал писать об обществе всеобщего риска в России следуя теории Бэка. Мне это казалось уже через чур... уж больно трагично Россия выглядела, такая интерпретация шла в противоречие с моим собственным опытом.

В моей жизни риск не носил отрицательных коннотаций, а был частью познания, как у Бэка в теории рефлексивной модернизации (в психологии это называется выходом из зоны комфорта, который расширяет возможности личности) Последние работы Гидденса разочаровали, он стал политиком и стал писать на злобу дня... очень уж много повторов. А вот поздний Бэк мне нравился, особенно его работы о космополитическом обществе (cosmopolitan society). Эти работы радовали душу и сердце, я сама себя считаю космополитом, а тут как тут теория об этом. Сама теория мне казалась натянутой и идеалистичной, но это был творческий процесс Бэка, которому я со-радовалась. Бэк приезжал к нам в ЦНСИ, Виктор Воронков и Лена Здравомыслова его встречали, он всегда поддерживал ЦНСИ, я старалась ходить на его лекции в Европе, о космополитизме помню его интересную лекцию в Амстердаме.

Теперь, Мария, пообстоятельнее об аспирантуре в Голландии; в Америке аспиранты затрачивают около четырех лет для подготовки Ph.D., у Вас, наверное, меньше, Вам могли зачесть какие-либо предметы, которые Вы изучали в студенческие годы и при работе над кандидатской. Какую тему Вы разрабатывали в аспирантуре?

В Голландии аспиранты тоже делают диссертации не менее четырех лет, большинство 5–6 лет. Аспиранты часто испытывают стресс, очень переживают из-за всего, долго работают над концепцией своего проекта (thesis proposal), долго ее утверждают, бесконечно работают над своей теоретической рамкой, которая, как

правило, является излюбленной теорией их профессора, многие заболевают синдромом хронической усталости, и им продляют срок.... Я была необычным аспирантом, я получала удовольствие и только под самый конец напрягалась и не спала ночами. После обучения в Штатах, и опыта работы, все было легко.

Я не собиралась поступать в Голландскую аспирантуру, это вышло почти случайно. У меня был проект с Университетом Чикаго по исследованию нелегальной торговли животными, растениями и их частями на пограничной территории (implementation of CITES convention), я работала с китайской аспиранткой Чикагского Университета и тогда очень часто ездила в Чикаго. Недалеко от Чикаго в Медисон-Висконсин проходила конференция-дебаты к юбилею Алана Шнайберга. Тогда в экологической социологии шел диалог между сторонниками теории экологической модернизации (Hubert, Mol, Spaargaren) и сторонниками теории Жернова Производства (Treadmill of Production – Schnaiberg, Weinberg, Gold). Поскольку я руководила группой Экологической Социологии в ЦНСИ, то меня эти дебаты интересовали, и мы с китайской студенткой написали тезисы и поехали на конференцию в Мэдисон-Висконсин, там, кстати, классная социологическая школа, и у меня было много знакомых. Там на банкете мы разговорились с Артуром Моллом, я с ним и раньше много раз встречалась на разных конгрессах, в основном Американской Социологической Ассоциации, ну и Европейской тоже.

Обычно, когда я разговариваю с интересными социологами, то спрашиваю их, нет ли у них в Университете каких-либо стажировок (guest researchers, visiting professors, fellowships), это мой обычный, дежурный вопрос, Артур сказал, что есть только аспирантура. Я и сама не заметила, как начала горячо ему объяснять, что у меня образование биологическое, а работа социологическая и очень нужно PhD по социологии, и именно по экологической социологии. Никогда раньше не думала, что мне это нужно... Сунула ему визитку и благополучно забыла о нашем разговоре. Неожиданно, через пол года Артур Молл написал мне письмо, сказал, что у них есть конкурс на аспирантское место с финансированием и нужно быстро написать проект будущей диссертации (thesis proposal). То, что у них называется быстро – месяц – у меня называется очень, очень медленно. Я, конечно же, написала proposal исходя из моих текущих проектов. Тогда целая серия проектов была связана с управлением возобновляемыми ресурсами (governance of renewable natural resources), а именно с управлением лесами, с лесной сертификацией. Эти исследовательские проекты финансировались Академией Наук Финляндии, но была еще и практическая часть, на которую я получала отдельные гранты Европейского Союза. Я еще работала экспертом аудитором и консультантом лесных холдингов, кроме того по грантам Евросоюза мы работали с местными жителями российских деревень, объясняли людям их новые права, которые дает лесная сертификация. Плюс, как я уже рассказывала, я организовывала обмены между учеными России и США, тогда у меня был проект с Йельским Университетом, с директором Школы лесоведения, Бенжамином Кашором (Yale University School of Forestry с Benjamin Cashore). Это очень известный политолог-социолог в области лесных отношений; он – классик в исследовании лесной сертификации. Я как раз планировала поехать в Йельский Университет к Кашору на 4 месяца, ну и поехала, конечно, когда уже училась в аспирантуре.

Так что, мой аспирантский проект был практически суммой этих выше-перечисленных проектов. Тема называлась: «Транснациональное управление силами негосударственных акторов: исследование добровольной сертификации Лесного

попечительского совета (“Transnational governance through private authority: The case of the Forest Stewardship Council certification in Russia”). Работа опубликована в виде книги в издательстве Университета Вагенингена Wageningen Academic Publishers <http://www.wageningenacademic.com/doi/book/10.3920/978-90-8686-772-1>).

Когда я выиграла конкурс, то было некогда ехать в Голландию, было очень много проектов, я была перегружена, все время откладывала начало аспирантуры. Тогда Артур Мол предложил приехать, зарегистрироваться в университете, оформить документы, а потом уехать доделывать дела. Так мы и сделали.

Я не хотела перезачитывать никакие предметы. В России, мы сдавали кандидатский минимум: специальность, философию и иностранный язык, так что из этого вообще ничего не подходило. Наверное, я могла бы перезачесть что-то из магистерских курсов Бард Колледжа, что-то из Университета Эдинбурга, или курсы из Университета Джонса Хопкинса (у меня есть кредиты всех этих университетов), но я хотела новые курсы проходить, учиться дальше, мне нравился сам процесс учебы, и, на самом деле, степень не была нужна. Весь смысл нового образования пропал бы, если бы я стала избегать новых курсов. В Америке я узнала, что такое плата за обучение (tuition), а в Голландии нам университет даже платил зарплату, и все учебные курсы были бесплатные. Как же не воспользоваться такой возможностью? Мне нравилось приезжать в Голландию на несколько недель в году, а остальное время заниматься своими проектами в России, Финляндии, Швеции, США.

Тогда я работала с Университетом Восточной Финляндии (University of Eastern Finland), Лапландским университетом (University of Lapland), Университетами Лулео и Юмео в Швеции (Luleo and Umeo Universities in Sweden). В США моим главным партнером был в то время Йельский университет (Yale University). Аспирантам разрешали брать курсы по всей Европе, например Саския Сассен вела короткий курс в Университете Утрехта (Utrecht University), я туда к ней ездила. Все аспирантские курсы в Голландии 6 недель, вот я и приезжала на 6 недель каждый год. Обязательным курсом у нас была только Экологическая модернизация, теория наших профессоров, я была ее основным критиком и оппонентом.

Руководители вздохнули с облегчением, когда я закончила курс. Приезжать в Голландию, общаться с коллегами, тусоваться с аспирантами было прекрасно, я нашла себе голландского бойфренда. Ведь так чудесно быть аспиранткой! В группе Экологической политики (Environmental Policy Group) 35–38 аспирантов одновременно, очень веселая дружная компания. Я часто ездила в Париж в Опера Гарнье и Бастиль, в Венскую оперу, летала в Милан, в Ла Скала, танцевала севильяну в Севилье, каталась на велосипеде по всей Европе. Поездки в университет больше походили на отдых, чем на работу. Главы диссертации представляли собой расширенные статьи, которые я публиковала по проектам. Иногда глава складывалась из нескольких статей, в последний год я съездила во все мои исследовательские регионы и добрала недостающий материал. Аспирантура не нарушала моих обычных практик повседневности, я по-прежнему ездила на 8–10 конференций в году, по-прежнему, ездила с гостевыми лекциями и на стажировки в Европу и в Штаты, по-прежнему работала в ЦНСИ и руководила группой. Было здорово брать социологические курсы, это было прекрасно!

Я не торопилась, поэтому у меня аспирантура заняла много лет—с ноября 2004 года до декабря 2012-го. Я бы и еще потянула, но руководители сказали, что если я защищу диссертацию, то они мне дадут пост-док с зарплатой. Я обрадовалась,

напряглась и защитила в тот же год с Cum laude (Кумлауде), т.е., с признанием особых достижений. У нас в университете почти никто никогда не получал кумлауде, я была первой в истории нашей группы Экологической политики, руководители были счастливы. Бен Кашор был одним из моих оппонентов, коллега Бас Артс – вторым оппонентом, двух других я раньше не знала. В Голландии, когда кого-то хотят наименовать на Кумлауде, то диссертацию посылают еще двум независимым рецензентам, я их не знаю, мои руководители тоже не знают, это сам университет посылает. Кумлауде мне дали за развитие собственной социальной теории – Сетей организующих управление (Governance Generating Networks), ну и поле у меня, конечно, было громадное, многолетнее. Плюс профессиональный дизайнер работал над оформлением, был англичанин-редактор и технический корректор.

Я хотела опубликовать книгу в издательстве Ашгейт (Ashgeit), но руководителям очень уж хотелось, чтобы это было издание нашего университета... к сожалению, я разорвала контракт с редакцией (вот теперь и цитируют книгу мало, приходится полагаться на статьи) Я изучала лесную сертификацию с 2002 года, все мои исследования вошли в диссертацию. На следующий день после защиты у нас был специальный симпозиум, на котором у меня были дебаты с Бен Кашором: «Теория рыночного управления силами негосударственных акторов» (Кашор) и моя теория «Сетей организующих управление» («Non state market driven governance» versus «Governance generating network»). Теории, в общем и целом, друг друга дополняют, хотя объясняют разные вещи. В честь защиты я организовала выставку с инсталляциями, отражающими мою социальную теорию, а также фото выставку, документирующую мою полевую работу, и флэшмоб – «социолог транснационального пространства». Было много Голландской прессы и вышло несколько публикаций на голландском языке в местных газетах.

В Голландии защита диссертаций проходит очень торжественно, это традиционная церемония, оппоненты и руководители наряжены в судейские рясы. Специальный дресс код у аспирантов, у каждого аспиранта 2 паранимфы. Раньше, паранимфы должны были знать работу аспиранта, и если аспирант не мог ответить на вопрос, то им давали слово. В настоящее время это друзья аспиранта, которые помогают в организации банкета и фуршета. Моей первой паранимфой была Ольга Малец, которая хорошо знала тему (в духе традиции), она делала диссертацию в Институте Макса Планка, а поле для своей немецкой диссертации у нас, в ЦНСИ, в моей группе. Мы вместе ездили в леса брать интервью у заинтересованных сторон в лесных отношениях. Ее диссертация тоже по лесной сертификации в России. Итальянская художница Джулия Ландонио была моей второй паранимфой, она и помогала мне с монтажом выставки в стиле Искусство и социальные науки (Art-Social Science). У нас есть такое направление в ЦНСИ, его основали Лиля Воронкова и Олег Паченков, ну а я активно развиваю, это мое хобби. Голландские волонтеры-художники тоже участвовали, делали инсталляции теории Мануэля Кастельса и Джона Урри, которые легли в основу моей социальной теории. Сделать инсталляцию работ Саскии Сассен мы не успели, хотя хотели. Нормальные аспиранты перед защитой готовятся, ну а я в ночь перед защитой красила камушки для инсталляций, и мы с паранимфами и волонтерами провели эту ночь в выставочном зале. Открытие выставки было через день после защиты, но из-за банкета, мы бы не успели сделать монтаж. Моя аспирантская жизнь плавно переросла в ранее обещанный пост-док.

Пост-док — это в основном исследовательская или преподавательская деятельность?

Тот пост-док, который я получила сразу после защиты, включал и исследовательскую и преподавательскую деятельность. Артур Мол хорошо знал мои индивидуальные особенности, понимал, что я просто не смогу целый год сидеть в Голландии, поэтому мы договорились, что у меня как и во время работы над диссертацией будет 6 недель обязательного присутствия, а в остальное время дистанционная работа. В присутственные недели я преподавала два курса: Окружающая среда и развитие (Environment and Development) и Политика в области океанологии (Ocean Governance). Это были очень интенсивные курсы по 6 часов в неделю каждый, и еще масса работы по подготовке и проведению деловой игры.

В Голландии, студенческие эссе проходят через черновые варианты, которые студенты исправляют после правок преподавателя. Кроме того, я должна была руководить 2–3 магистерскими и 1 докторской диссертацией. В случае докторской диссертации это было не полное руководство, а со-руководство с профессором-промоутером. По моему договору, нужно было опубликовать 2 статьи в год в реферируемых журналах с импакт фактором выше, чем 1.5, или 3 статьи, с импакт фактором больше 1. Если меньше 1, но журнал хороший, например новый, который еще не «заработал» себе импакт фактор, то можно было получить специальное разрешение с согласованием с администрацией. Если вдруг захотелось написать главу в книгу или послать статью в «плохой» журнал (типа Europe and Asia Studies), то это можно делать в выходные дни, или во время отпуска, и это не считается выполнением контракта. Статьи на русском языке не считаются, конечно.

Журнал Лабораториум, основанный в ЦНСИ, вообще не считается. Журналы по экологической тематике котируются намного больше, чем чисто социологические. Наш топ: Экологические изменения, Глобальная экологическая политика, экологическая политика (Environmental Change, Global Environmental Politics, Environmental Politics). Приветствуется журнал «Общество и природные ресурсы (Society and Natural Resources), хотя у него импакт фактор только 1.1. Приветствуются статьи с соавторами из нашей группы, не приветствуются работы в соавторстве с американскими приятелями (не приветствуется, но все-таки разрешаются). Деньги на полевую работу университет не дает, нужно самой искать, ну а на 2 конференции в год дает. Плюс я должна была развить Арктическое направление в группе, найти аспирантов с деньгами или просто деньги, а потом набрать аспирантов по конкурсу. Плюс писать гранты с аспирантскими местами по всем темам, или приводить аспирантов с деньгами по любым темам, конечно, в области экологической политики и экологической социологии или политологии. За 2 года найти хотя бы 1 такого нового аспиранта было условием контракта. Перевыполнение засчитывалось в счет следующего года. В первый год пост-дока я опубликовала 2 статьи с импакт фактором 1.7 и 1.9 — обе по старой теме, по лесной сертификации, одну в со-авторстве с Констанс Макдермотт (Constance McDermott), мы с ней очень подружились в Йеле, а сейчас она работает в Оксфорде. А вторую с Лорой Хенри (Laura Henry), моей давней подругой из Боуден колледжа (Bowdoin College), которая у нас ЦНСИ проходила свой Фулбрайт, а раньше делала диссертацию по экологическим НПО в России. Наша группа ей помогала, Лора защитила диссертацию в Беркли и теперь профессор в Боудене. Все остальное условия контракта тоже почти удалось выполнить... с маленькими недочетами, но было напряженно, и я делала не всегда делала то, что хочу.

Периодически вставал вопрос, да и сейчас встает: «Почему все сотрудники пишут труды в офисе, а Вы, Мария, на Гавайях?» В мою бытность психологом, я читала труды профессора Асмолова, который говорил: «Индивидом рождаются, личностью становятся, а индивидуальность отстаивают», вот я ее постоянно и отстаиваю свою индивидуальность, во всех моих университетах. Преподавание в Университете Вагенингена было не простым. В штатах намного легче преподавать, можно разрабатывать курсы, основанные на обсуждении прочитанных статей, студенты любят дискуссии и отличаются крайней разговорчивостью. В разработанные курсы в Штатах никто, никогда не вмешивается, полная свобода. Я с ностальгией вспоминаю, как классно было преподавать в Штатах, особенно в Дикинсон колледже и в университете Джонса Хопкинса. В Рамапо колледже студенты были сравнимы со студентами Института им. Герцена, но и там было радостно. В Штатах я придумывала разные педагогические инновации и у меня была полная свобода! В Голландии нужно читать лекции, в классическом понимании, а для дискуссий есть коллоквиумы и семинары. Преподаватель, который изначально разработал курс, передает свой учебный план (syllabus) своему последователю.

Конечно, многое можно менять, но описание курса уже опубликовано в брошюре для студентов, требования тоже опубликованы, поэтому свобода весьма относительна. Курс Окружающая среда и развитие (Environment and Development) на мой взгляд был разработан моим предшественником гениально. Он начинался с деловой игры о сертификации креветок в Эквадоре—это были переговоры между заинтересованными сторонами (stakeholders) о содержании стандартов. Саймон Буш, который разрабатывал курс, много лет работал в разных странах и изучал сертификацию креветочного бизнеса, он составил деловую игру по своим полевым данным, практически реконструировал свое поле. Мои студенты играли очень эмоционально, некоторые плакали, некоторые убегали и хлопали дверями, и так целую неделю. Я привыкла мягко, с любовью, ласково и приветливо вести занятия и всех всегда поддерживать, ну а тут были нервные срывы на глазах. Я за студентами бегала и утешала, объясняла, что это у их коллег роль такая, а не ОНИ такие. На второй год научилась готовить студентов к игре, они все равно нервничали, но уже без истерик. По окончании игры, студенты превращались в исследователей, то, что происходило в деловой игре — их полем. Студенты выбирали тему будущего эссе, и брали интервью друг у друга, о том какие стратегии у них были на переговорах и почему. Я читала лекции по четырем социологическим теориям— одна из теорий была моя собственная, я ее добавила в курс. Студенты выбирали одну их теорий, и она становилась теоретической рамкой для анализа интервью с заинтересованными сторонами (участниками игры). Добрая половина студентов выбирала мою теорию.

Каждую неделю на коллоквиумах мы отработывали элементы написания научной статьи: исследовательский вопрос, постановка цели, и др.. Ну а потом они все по очереди приходили советоваться, а чуть позже со своими черновиками, а их было 28—32 человек в группе. Каждую неделю у студентов были письменные задания по теориям (которые нужно было проверять), чтобы каждый разобрался в каждой теории. Вы представляете, сколько это работы? Я сама была знакома только с теорией экологической модернизации и своей собственной, а вот политическую экологию и анализ цепочек поставок учила вместе со студентами. Хорошо, что у меня контракт начался в августе, а преподавание в марте, я хотя бы успела разобраться с этими новыми для меня теориями, да и с сертификацией креветок я никогда раньше не

сталкивалась. Это был курс для магистров и аспирантов, сильные студенты приходили, это очень облегчало жизнь, я уверена, они очень многому научились, и я тоже многому научилась. Про Управление политикой в области океанологии я вообще имела слабое представление, но там было меньше инноваций, курс был для бакалавров, и я быстро во всем разобралась. Чтобы меньше мучиться я приглашала много гостевых лекторов и практиков. Думаю, что студенты на этом курсе не получили новых навыков, в отличии от курса «Окружающая среда и развитие,» но информация была для них интересной. В конечном итоге студенты были довольны обоими курсами и хорошо их оценили.

Для научной работы у меня был грант Евросоюза, который проходил через ЦНСИ, я переключилась на исследования взаимодействия между коренными народами и нефтяными компаниями (в Арктике с лесами не густо, а нефть именно там, местным жителям она особенно не мешает, а коренным народам очень мешает). Я стала активно писать гранты по новой теме, и вскоре получила сразу три гранта одновременно: а) грант Академии наук Финляндии — коллективный (для исследования в Арктических и суб-арктических регионах России); б) грант Научного фонда Голландии (NWO— Netherlands Research Foundation), очень престижный—на исследование Аляски; в) грант Арктической Программы Фулбрайт по которому предусматривались поездки в Канаду, в Икалуит, в Оулу, на севере Финлндии и стажировка в Университете Вашингтона в Сиэтле (Арктическую программу открыли потому, что США председательствует в 2016 году в Арктическом Совете.

Грант NWO позволил мне изменить контракт с Университетом Вагенингена, я принесла в группу внешнее финансирование, а когда у человека внешнее финансирование, и еще громадный оверхед идет группе, то и правила меняются. Я могла полностью перейти на научную работу, и по официальному контракту так и сделала, но куда же я дену нерадивого аспиранта Лешу из Омска, не коллегам же с ним мучиться... остался аспирант. Умная магистрантка в этом июле защитилась, она пойдет прямо в аспирантуру, и у нас ней будет совместна статья — она со мной и моей командой ездила в Коми на исследования, так что поле у нас общее, так что пусть будет моей аспиранткой. Мне было жалко отдавать курс «Окружающая среда и развитие,» никто ведь кроме меня не прочтет мою социологическую теорию, наверняка ее заменят другой, плюс сам дизайн курса я считаю гениальным, и курс уже освоен, да и надо же иногда появляться на работе, а то коллеги забудут, как я выгляжу.

В общем, оставила себе этот курс. Видно, что была проведена очень большая, многослойная работа. Что удалось обнаружить, доказать, опровергнуть...? Нельзя ли рассказать о сходстве и различии Вашего и Бена Кашора подходов?

Майкл Бэлл из университета Мэдесин Висконсин всегда советует своим аспирантам выбирать для своего теоретического фрейма теорию, которую они ненавидят, и ее потом опровергать в процессе работы над диссертацией. При этом очень сильно повышается индекс цитирования и рождается дискуссия в реферируемых журналах. Я наблюдала воочию такой процесс между Артуром Молом и Аланом Шнайбергом-«Экологическая модернизация или Жернов производства» (Ecological Modernization versus Treadmill of Production). Я — феноменолог, поэтому мне всегда интересно что-либо объяснять, а не кого-либо опровергать.

Вот я и пыталась объяснить феномен негосударственного регулирования (governance by private authority) природными ресурсами на примере лесной сертификации. Конечно, этот подход идет в противовес подходам исследователей международных отношений и политологам, которые ставят во главе угла национальное государство. Но я не вступала с ними в дискуссию, просто отнесла себя к когорте исследователей транснациональных процессов, к сторонникам социологической теории сетей и потоков (sociology of networks and flows-Кастельс, Урри, Сассен). Да, это была большая работа, и уж точно многослойная. Вы уже знаете, что я очень люблю путешествовать, может быть именно поэтому, моим основным методом исследования стала мульти-сайтная этнография (multi-sited ethnography), которая предполагает глубинное исследование процессов связанных с исследуемым кейсом на разных уровнях и в разных местах. Стандарты добровольной лесной сертификации Лесного Попечительского Совета (Forest Stewardship Council-FSC) разрабатываются для всего мира на глобальном уровне, затем адаптируются к национальным социо-политическим условиям и лесным экосистемам, характерным для региона, затем при их применении ре-интерпретируются на местном уровне.

В процессе лесной сертификации важную роль играют заинтересованные стороны разных уровней, от глобального до локального, которые проживают и работают в разных странах и континентах. Среди них транснациональные лесные корпорации с офисами в разных странах, глобальные, региональные и местные НПО, инвестиционные фонды, банки и издательские дома. Генеральные ассамблеи FSC, заседания разных рабочих групп, встречи заинтересованных сторон, на которых я проводила участвующее наблюдение, также проходят в разных странах. Это исследование включало работу по 14 различным проектам, из которых я составила своеобразный грантовый кластер, в сумме составляющим более 700000 долларов. Каждый грант покрывал какой-либо элемент моего мульти-сайтного исследования. Но и этого было бы недостаточно для такого рода работы. Поэтому я наряду с чисто исследовательскими проектами, чтобы получить доступ к полю, выполняла прикладные проекты, была активным международным членом FSC, членом Совета директоров FSC России, входила в массу экспертных групп, работала консультантом транснациональных корпораций, а также аудитором FSC в одной из аккредитованных компаний. В России на местном уровне исследование проходило в Карелии, Псковской области и в Республике Коми, там, где глобальные стандарты реализуются, и тем самым, трансформируют практики лесопользования на местах. В этих местах я проводила и прикладные, и исследовательские и консалтинговые работы.

Уже сама методология и процедура такого исследования была достаточно инновационной, а ее легитимность спорной. Приходилось постоянно рефлексировать и делать своеобразные триангуляции, чтобы избежать субъективности и конфликта интересов. Как и большинство исследователей ЦНСИ, я являюсь сторонницей теоретических обобщений исходящих от поля (grounded theory). А вот в моем Голландском университете все аспиранты разрабатывают свой теоретический фрейм и ставят свой основной исследовательский вопрос до того как отправляются в поле. Я начала свое исследование задолго до начала аспирантуры, и задолго до нее увлеклась социологией транснациональных процессов, Саскии Сассен, Мануэла Кастельса и мобильной социологии Джона Урри. Поэтому, моя социологическая теория складывалась от поля, но при этом я принимала во внимание социологию транснациональных процессов. Я разрабатывала свой теоретический фрейм, и не рассказывала своим руко-

водителям, что мои теоретические обобщения на самом деле идут от поля, призналась в том только на третьем году аспирантуры. Я совершенствовала свою теорию около пяти лет, поэтому она по-разному отражена в различных публикациях.

Что же в результате? В своей диссертации я концептуализирую феномены сертификации и маркировки, используя социологию транснациональных процессов, а также привлекая ключевые идеи сетевого общества. Социальные теории Мануэла Кастеллса, Саскии Сассен и Джона Урри помогают лучше разобраться в общих характеристиках современных обществ «за пределами системы национальных государств». В рамках социологии глобального сетевого общества теория постепенно перестаёт фокусироваться на соотношении структуры и действия (structure and agency)— теме, занимавшей многих социологов начиная с 1980-х. Новые акценты приходятся на открытый, условный, трудноуправляемый тип социальных сетей и отношений (Урри), на необходимость изучать новые комбинации территории, власти и прав (territory, authority and rights) (Сассен) и на новые значения и измерения, которыми наделяются понятия социального действия и власти в сетевом обществе (Кастеллс).

В экологической социологии эти общие соображения используются для того, чтобы анализировать сложную, гибридную и непредсказуемую природу материальных и информационных потоков, организующих взаимодействие между природой и обществом (Мол). Такие общепринятые темы, как биологическое разнообразие, вода, энергия, отходы, выбросы углерода, были переведены на язык сетей и потоков, породив, таким образом, новые знания, ставшие особенно актуальными для управления транснациональными экологическими потоками и акторами, с ними связанными. Социологи сетей и потоков пытаются своими работами создать общее видение современного общества, моя теория Сетей организующих управление (Governance Generating Networks) предназначена для анализа конкретной экологической политики, к примеру, роли негосударственных акторов в управлении программами сертификации. Основываясь на данном подходе, в своей диссертации я ввожу некоторые новые категории и понятия, которые должны быть полезны для понимания современных черт транснационального экологического управления. Сети, играющие ключевую роль в развитии глобальных регуляторных механизмов, продуктов и стандартов в разных частях мира, я предлагаю называть Сетями генерирующими управление (Governance Generating Networks-GGN). Эти сети включают в себя три структурных элемента: ядра глобального дизайна (планирования), где разрабатываются глобальные стандарты, форумы переговоров (где заинтересованные стороны обсуждают стандарты) и места внедрения (где глобальные правила подвергаются переводу и переносу для трансформации в конкретные практики на местах).

Как следует из названия, сеть GGN предполагает управление, генерирование и сотрудничество (networking). Эти составляющие реализуются при помощи трёх структурных элементов: ядер глобального дизайна (узлов планирования), переговорных форумов и мест внедрения. Узлы глобального дизайна формируются различными типами транснациональных заинтересованных сторон, представляющих разные сети, а также группами и индивидами, движимыми личными интересами. Места внедрения представляют собой физические территории, где устанавливаются новые правила, влекущие за собой новые социальные практики. Переговорные форумы неразрывно связаны с разработкой, адаптацией и внедрением стандартов, так как являются связующим звеном между узлом глобального дизайна и местами внедрения во всём мире (Kortelainen et al. 2010, Tysiachniouk 2012).

Глобальные стандарты вводятся в действие при помощи четырёх процессов: абстрагирования, стандартизации, операционализации (часто это включает перевод на язык национальных стандартов) и внедрения-институционализации в рамках конкретных практик на месте. Абстрагирование и стандартизация представляют собой транснациональные, детерриториализированные процессы; в основном они проходят в узле глобального дизайна (планирования) и на относящихся к нему форумах. Процессы операционализации, внедрения и институционализации опосредованы другими форумами при учёте локальных условий, к примеру, социальных, политических, экономических и экологических контекстов в различных частях мира. Стандарты по большей части разрабатываются в узле глобального дизайна (планирования), где происходит абстрагирование от локальных вопросов и проблем. Далее, стандарты, прошедшие фазу абстрагирования, согласовываются и усваиваются в процессе операционализации, после чего в местах внедрения переносятся в различные локальные среды. В местах внедрения стандарты превращаются в правила, с помощью которых с тем или иным успехом происходит регулирование локальных практик. Следовательно, структурные элементы GGN играют разные роли и обеспечивают различные генеративные процессы, несмотря на то что между ними не существует чётких границ.

GGN может одновременно быть носителем и генератором новых определений повестки дня (agenda-setting), исходящих от акторов, работающих на месте в различных точках по всему миру; заниматься разработкой политики и стандартов; генерировать цепочки обратной связи от локального к глобальному; производить пересмотр политики и стандартов; адаптировать и внедрять стандарты на определённых территориях; проводить оценку, измерять эффективность и контролировать соблюдение требований в местах внедрения. Посредством генерирования организуется всё больше форумов, а новые правила, регулирующие новые практики, охватывают всё больше территорий. Так как FSC–GGN представляет собой сочетание нескольких механизмов разработки политики, работающих одновременно, и в них транснациональные и локальные акторы связаны как нисходящими, так и восходящими каналами, то необходим новый концептуальный подход для анализа процессов разработки, адаптации, согласования, перевода и внедрения новых режимов глобального экологического регулирования. Бенжамин Кашор также исследовал регулирование со стороны негосударственных органов управления различных сертификационных схем. Он концептуализировал этот феномен как негосударственное рыночное управление ('non-state market driven governance' [NSMDG]), которое можно применить к индустрии одежды, игрушек, косметики, производству кофе, чая, какао, сахара, бананов и других сельскохозяйственных продуктов, строительной индустрии, рыболовству, добыче полезных ископаемых и развивающейся индустрии туристических сертификатов.

Основным, как и у меня, было исследование добровольной лесной сертификации FSC. Согласно теории Бена Кашора, теория NSMDG стремится объяснить рыночную динамику, легитимность негосударственных акторов. Введённый мною концепт GGNs отражает глобальную/локальную динамику акторов, возникающую в процессе сертификации. Этот концепт позволяет получить представление о некоторых моментах, которые невозможно объяснить при помощи NSMDG. Сам термин NSMDG недостаточно точно отражает суть феномена, лежащего в основе систем сертификации, как глобального механизма регулирования. В самом деле, регулирование посредством добровольной сертификации движимо не рынком, но самими

акторами — в основном НПО, использующими рыночные силы и стимулы с целью повлиять на производственный процесс компаний и их практики на местах. GGNs, в отличие от NSMDG, фиксирует процессы и практики, происходящие на местах внедрения и вовлекающие локальных акторов и заинтересованные стороны, которые реагируют на новые глобальные стандарты и приспосабливаются к ним. Понятие GGNs также в большей степени уделяет внимание важности переговорных форумов с участием большого количества сторон для разработки, адаптации и институционализации глобальных правил. Ценность концепта GGN и связанных с ними понятий переговорных форумов и мест внедрения заключается в способности зафиксировать глобальное/локальное взаимодействие между акторами посредством сети, в то время как акторы разыгрывают сложные формы действия и власти на различных иерархических шкалах. В этом смысле понятие GGN не только сосредоточено вокруг акторов и организаций, которые обычно считаются ключевыми разработчиками новых глобальных стандартов, но также будет иметь прямое отношение к роли, которую играют сторонники, противники и реципиенты новых политик в достижении окончательных результатов процесса регулирования.

Маша, Вы хорошо знаете Западные социологические теории и методы феноменологической социологии. Какие теоретико-методологические подходы и методические разработки Вы черпаете в опыте ЦНСИ. Вы — тоже «оголтелый» феноменолог или видите и достоинства «жестких» технологий? Чем в рамках ЦНСИ занимаетесь Вы и Ваши сотрудники?

Именно в ЦНСИ я определилась с тем, что я феноменолог, хоть и не «оголтелый», и когда кто-либо из профессоров Американских Университетов, например Лестер Саламон из Центра Исследования гражданского общества (Civil Society Studies), Джонс Хопкинс Университета, пытался склонить меня к количественным методам, то я отказывалась. Работы школы Лестера Саламона я уважаю, и считаю нужными, хотя они все основаны на анализе разных статистических данных, собранных по третьему сектору по всему миру. Я была единственным «качественником» в его группе, и моя выпускная работа в двухлетней программе Центра исследований третьего сектора и гражданского общества была: «Роль НПО в управлении водосборами в окрестностях Балтимора» («NGOs in watershed protection in greater Baltimore area»), выполненная только качественными методами.

В ЦНСИ большинство исследователей пытается увидеть в обычных практиках повседневности то, что другие исследователи не видят. В обычных социологических институтах, исследования ставят во главу угла проблему, которую нужно решить. Мы учим студентов, во введении в статью, идентифицировать проблему и только потом исследовательский вопрос. В ЦНСИ прекрасно то, что мы исследуем то, что интересно, удовлетворяем свое любопытство, и совсем не обязательно исходим из существующих проблем. Мне очень нравится инициатива ЦНСИ — «Беспредельная Социология», где сотрудники пишут о необычном: туалетах, как социо-культурном пространстве (Олег Паченков), прокладках и месячных (Лена Богданова), прогулках по кладбищам (Ольга Бредникова), юмористически представляют карты безопасности в самолетах (Оксана Карпенко). Моя первая статья в «Беспредельной Социологии» была о феномене халявы по результатам интервью, и о собственном опыте «спортивной халявы», то есть халявы без всякой нужды, халявы для удовольствия, для выброса адреналина, для эмоций. В студенческие годы я умудрялась летать на самолетах

и ездить в поездах без билета, проникать на разные концерты зайцем, путешествовать вообще без денег в кармане. Сейчас я тоже иногда трясу стариной, недавно в Канаде, проникла на концерт Big Boys, а потом летела с ними в бизнес классе.

Моя невестка и соавтор Света Тулаева, отнеслась к статье о халяве очень серьезно, специально разработала достаточно глубокий теоретический фрейм. Весь интерес такой работы был именно в сочетании «несерьезных» практик повседневности с достаточно глубоким теоретизированием; можно прочесть эту работу, «Беспредельна Социология» есть на нашем сайте ЦНСИ. Вторая работа в Беспредельной Социологии была в соавторстве с Джулией Ландонио, итальянской художницей, мы вместе ездили по деревням, загрязненным нефтью, Джулия реконструировала мои биографические интервью в рисунках. Эта работа интересна диалогом художественных произведений и социологических нарративов. Она не очень «Беспредельная», но, надеюсь, что методически инновационная, я хочу опубликовать этот материал в журнале Визуальная социология (Visual Sociology), но руки пока не доходят.

Я не отношу себя к «оголтелым» феноменологам, уважаю любые хорошо выполненные исследования, мне нравится читать хорошие работы, сделанные «жесткими» методами. Например, интересно читать о результатах опросов, связанных с президентскими выборами в Америке, которые Вы нам представляете в фейсбук. Но сама, я не хочу проводить опросы, мне гораздо больше по вкусу процесс интервьюирования и участвующего наблюдения. Я никогда не тратила своего времени на дискуссию о том, какие методы социологического исследования лучше, хотя Виктор Воронков любит такие дискуссии, по-крайней мере, раньше любил, когда еще не было моды на качественные методы, и они еще не вошли в мейнстрим. Мне интересно совершенствовать качественную методологию: мульти-сайтную этнографию; исследования, которые сочетают экспертную работу с исследовательской; методологию исследования переговоров между заинтересованными сторонами, противостоящими друг другу. В такой работе много тонких и важных нюансов, которые интересны для социолога-качественника. Я ничего не публиковала по качественной методологии, но собираюсь, когда будет немного меньше текущих проектов и появится свободное время.

Все, чем я занимаюсь, идет в рамках ЦНСИ, и к этому добавляются рамки разных Европейских и Американских университетов, включая разные обменные программы и стажировки, ну и теперешняя работа в Вагенингене. Я подчеркиваю свою идентичность с ЦНСИ во всех своих публикациях. ЦНСИ в моей жизни это Альма матер, научный дом и гарантия хотя бы некоторой стабильности в моей крайне не стабильной жизни. Очень приятно то, что есть постоянная аффилиация, что никогда не нужно искать работу где-либо, а нужно только искать проекты, которые по-душе и в русле текущих интересов. Это трудно понять моим американским коллегам, они периодически предлагают мне, которые бы засадили мне постоянную работу, которая засадила бы меня в их университеты и заставила бы прекратить мою научно-номадическую жизнь, которую я так люблю! ЦНСИ никогда не покушался и не покушается на мою свободу, в этом его великая ценность как института, наряду с другими благами, конечно.

С группой экологической социологии у нас идут многолетние проекты по эко-деревням, они начались в 1995 году и продолжаются по-настоящее время. Сейчас их ведет Антонина Кулясова с массой сподвижников и практиков. Экологические НПО и общественные движения тоже наша постоянная тема. В ней участвует наша аме-

риканская коллега Лора Хенри, сейчас мы с ней и со Светланой Тулаевой пишем об Экологических НПО, которые стали иностранными агентами. Сотрудники группы экологической социологии—участники большинства наших коллективных проектов, спонсируемых Академией наук Финляндии, касающихся управления возобновляемыми и невозобновляемыми природными ресурсами. Практически все сотрудники работают с Университетом Восточной Финляндии и Лапландским университетом. Мы берем с собой в поле финских аспирантов и неформально курируем их диссертации. Несколько лет шли проекты по загрязненным сообществам в России и США, мы ездили в Челябинскую область, в сообщества расположенные на берегах реки Теча, загрязненные радиацией, а Америке изучали загрязненную химикатами территорию недалеко от города Баффало (Love Canal). Тогда много работали с Натальей Мироновой, лидером движения «За Ядерную Безопасность» и с Надеждой Кутеповой, лидером-правозащитницей из закрытого города Озерска (обеим пришлось эмигрировать). Из моей группы Дмитрий Воробьев и Алла Болотова были очень активны в проектах по загрязненным территориям и по Оценке влияния на окружающую среду (Environmental Impact Assessment). У нас вышла книга: *Cultures of contamination: Legacies of Pollution in Russia and the US*. 2007 Ed. By Michael Edelstein, Maria Tysiachniouk and Ludmila Smirnova Elsevier Ltd

Достаточно долгим этапом были проекты по роли НПО в управлении водосборами в России и США («NGOs in watershed Governance in Russia and the US»). Это было в бытность моей учебы в Университете Джонса Хопкинса и работы в Тавсоне и Дикинсоне. Мы с сотрудниками проводили социальные исследования и экологический мониторинг малых рек, изучали роль гражданских активистов в охране водоемов в России и США. Наши обменные программы с Университетом Тавсон (Towson University) и с Дикинсон колледжем (Dickinson College, Pensilvania) были по этой тематике. Много внимания мы с коллегами уделяли сравнительному анализу активизма в охране водоемов в России и США, ну и книгу, конечно, написали: «Охрана водосборов в России и США», авторами, наряду с профессорами, были мои американские студенты, которые проводили микро- исследования по этой теме в рамках учебных курсов. Я тогда создала исследовательские группы в Джонс Хопкинсе, в Тавсон Университете и в Дикинсон Колледже, во всех этих университетах (я там везде преподавала) студенты делали кейс-стади по НПО в охране водоемов, а сотрудники моей группы в ЦНСИ проводили параллельные исследования в вологодской области.

В конце семестра у нас была межуниверситетская конференция, на которой все студенты встретились, а мои сотрудники ЦНСИ были участниками телеконференции, было классно, очень интересно. В ЦНСИ к этой проблематике относились снисходительно, но когда как-то раз, через счет ЦНСИ проходили грузовики с песком, которые были нам нужны для реставрации речки в вологодской области, Ольга Бредникова возмутилась: «У нас тут элитный мыслительный центр (think tank), а Экологическая группа под видом социологии речки реставрирует? Она и коллег взбудоражила. Я приняла во внимания пожелание коллег и тех пор стала больше времени уделять социальной теории, более старательно теоретизировать наши полевые данные, и, кроме того, стала мучить сотрудников и проверять то, что они пишут, заставляя переписывать тексты, ведь бывает просто текст, а бывает текст социологический. В поездках, по пути в поле, мы стали проводить методологические семинары и семинары по социальной теории, ну и научились писать социологические тексты, сделали два специальных выпуска «Журнала социологии и социальной антропологии». Лена Здравомыслова до

сих пор считает некоторых моих сотрудников недоучками, ну а для меня они самые лучшие, самые важные, самые любимые, и необходимые для ЦНСИ. У Антонины Кулясовой выросли три дочери и тоже влились в наши ряды. Александра Кулясова закончила театральный институт, и стала менеджером наших выставок по социологическому искусству (art-social science). Нашим постоянным спонсором в течении последних 14 лет была правозащитная программа Евросоюза, в этом году у нас по ней перерыв, один из грантов провалился...

Это были практические проекты, связанные с защитой прав коренных народов и местного населения в ресурсо-зависимых сообществах, там, где транснациональные корпорации занимаются лесозаготовительной деятельностью, добывают нефть и уголь. В этих сообществах я, в большей степени, чем коллеги, проводила исследования, а сотрудники, принимая во внимание результаты исследований, проводили обучающие семинары, тренинги НПО, формировали сети правозащитников. Кроме того, они мобилизовали местных художников и дизайнеров, чтобы донести результаты наших исследований до широких масс. В ресурсо-зависимых сообществах в шести регионах России мы организовали художественно-социологические выставки (Art-social science), на которых проводили переговорные площадки с заинтересованными сторонами. Эти же переговорные площадки были, выражаясь социологическим языком, фокус группами либо разработанной в Лулея университете методикой – Policy exercise. Мы начали исследования по лесной сертификации вместе с сотрудниками, Антониной Кулясовой, Иваном Кулясовым, и Светланой Пчелкиной, я их возила в Йельский университет (Ира Олимпиаева тоже один раз с нами ездила, хотя у нее своя тематика – Экономическая социология), мы вместе работали со Шведскими Университетами – Лулеа и Юмео.

В России наши исследовательские проекты проходили в разных регионах, те, которые представлены в моей голландской диссертации (Карелия, Псковская область и республика Коми), я делала практически одна, а вместе с сотрудниками мы работали в Архангельской, Мурманской и Вологодской областях. По лесной тематике в нашу группу периодически вливались аспиранты из разных стран, самыми яркими были, Ольга Малец и Ольга Улыбина, мы брали их с собой в поле, возили на Дальний Восток, они участвовали в наших обменных программах с университетами США. Ольга Малец закончила диссертацию в Институте Макса Планка в Германии, а сейчас преподает во Фрайбургском Университете, мы продолжаем сотрудничество, иногда вместе публикуемся. Ольга Улыбина защитилась по лесной сертификации в Кэмбридже, она и сейчас там работает, но сменила тему и отдалилась от нас. Ну и, конечно, ярким аспирантом была моя невестка Светлана Тулаева из Европейского Университета, которая вместе с нами плавно перешла из лесной тематики в нефтяную, и сейчас активно работает в проекте Академии наук Финляндии по взаимодействию нефтяных компаний и коренных народов в арктических регионах России. В ЦНСИ наша группа всегда была немного маргинальна, но очень успешна, независима и богата проектами. Наши проекты Евросоюза, в некотором смысле, многие годы были «кормильцами» ЦНСИ.

Маша, прочел все, порадовался Вашему размаху и Вашей свободе и одновременно взгрустнул о прошлом... скорее всего, Вы не в курсе грандиозного по тем временам изучения экологического сознания, проводившегося перед перестройкой. Центр был в Ленинграде, руководил проектом Б.М. Фирсов. Проект начинался как советсковенгерский (Центр по изучению массовой коммуникации и Академия наук), но потом очень активную роль

играли в нем наши эстонские (Тарту) и финские (Тампере) коллеги. Было проведено несколько семинаров в Ленинграде, Тарту, Тампере и Будапеште, выпущено несколько сборников, книга... и что? Б.М. Фирсова попросили оставить Институт социально-экономических проблем АН СССР и дали очень серьезное партийное взыскание... в частности, нас обвинили в том, что тема (экология) подброшена нам на Западе... Сейчас Вы проводите исследование на Аляске, что является центральной темой ваших интервью? С кем вы беседуете: жители Аляски, эксперты, журналисты...?

Ну как же, я в курсе и помню работы по исследованию экологического сознания. Я некоторые из них прочитала по наводке Ольги Цепиловой, тогда, когда поступала в Центральный Европейский Университет. Ольга Цепилова, во времена перестройки, была участником проектов по экологической осведомленности и экологическому сознанию. Помню, что в рамках этих проектов исследовали обеспокоенность населения СССР состоянием окружающей среды, на волне перестройки обнаружился пик озабоченности после Чернобыльской аварии и в связи с общей политизацией населения, который спал в экономически-сложные 1990-е годы. Помню, что Фирсов тогда выделял индивидуальные типы личности, от которых зависит экологическое сознание.

Люди определенного типа, кажется, их называли «экологистами», способны жертвовать своим благосостоянием во благо окружающей среды, а для других типов экономика была приоритетом, детали не помню, остались воспоминания-отголоски. Олег Яницкий в ранних работах цитировал Фирсова, а потом в Россию стал приезжать Дунлап, россияне помогали ему проводить опросы по экологическому сознанию. Дунлап, единственный американский экологический социолог, которого тогда знали в России (я с ним лично познакомилась гораздо позже, на конгрессе Европейской социологической ассоциации, мы с ним вместе были в Совете директоров RC-24) его ранние работы я тоже помню смутно, помню сравнительные работы Рональда Инглхарта по постмодернистским ценностям, в том числе экологическим. А вот о том, что у Фирсова были неприятности в связи с экологической тематикой, в первый раз от Вас услышала.

Исследования на Аляске — составная часть исследований взаимодействия нефтяных компаний и коренных народов. Исследование посвящено тому, какие блага получают и какие потери несут коренные народы от нефтедобычи на их территории. Моя теория Сетей, генерирующих управление (Governance Generating Networks) хорошо объясняет сертификационные системы, но она должна быть адаптирована к анализу управления невозобновляемыми ресурсами. Стандарты, по которым работают нефтедобывающие компании, разрабатываются в разных «драх глобального дизайна», как, например Арктический Совет, комитеты ООН, Мировой Банк и Банк реконструкции и развития. Справедливая компенсация ущерба, нанесённого нефтяной инфраструктурой земле, на которой живут коренные народы, и их культуре, лежит в основе всех этих стандартов.

Возникает вопрос: каким образом можно сбалансировать интересы добывающей промышленности и коренных сообществ, внедряя глобальные стандарты на месте? В идеале, когда компании применяют и внедряют эти стандарты, они уважают права коренных сообществ, способствуют расширению их возможностей и улучшают их экономическое благосостояние. Однако подобные ожидания редко оправдываются на практике, так как стандарты можно интерпретировать по-разному, и когда они применяются в конкретной местности, взаимодействие с локальными правилами

может, как укрепить их, так и ослабить. Я рассматриваю сеть нефтедобычи как структурную единицу регулирования. Данный подход предлагает огромные возможности для обнаружения прежде невидимой динамики, происходящей между нефтяными компаниями и коренными сообществами. Он принимает во внимание и других акторов (государства, НПО) и исследует перекрывающиеся друг друга правила (совпадения с другими видами законов и предписаний), таким образом, объясняя, почему различные сети нефтедобычи, придерживающиеся стандартов распределения выгод (benefit-sharing), оказывают различное влияние на локальные сообщества и коренные народы.

Чтобы обеспечить устойчивое развитие нефтедобычи и защиту прав коренного населения, на транснациональном уровне разрабатываются глобальные стандарты. Сети нефтяных компаний, включая сами добывающие компании, инвестиционные банки, долевых участников и локальные офисы, вместе с государственными и гражданскими сетями, к примеру, сетями регулирования нефтедобычи (oil governance networks), объединяют между собой процессы на транснациональном и локальном уровнях. Районы, в которых происходят нефтеразведка, добыча и транспортировка нефти, определяются как места внедрения. Акторы внутри этих сетей являются участниками постоянных переговорных форумов, связанных с разработкой и внедрением стандартов распределения выгод. Динамика взаимодействия внутри сетей регулирования нефтедобычи определяется властью, которой обладают участвующие акторы (Кастеллс), например, экономической властью частных акторов, политической властью национального государства, нормативной и символической властью НПО и коренных народов.

Акторы осуществляют власть, пытаясь повлиять на поведение других участников в пространстве множества переговорных форумов во время процессов установления и внедрения стандартов. Это особенно верно в том случае, когда политика и стандарты имеют отношение к потоку финансовых ресурсов, направленному в сторону коренных сообществ. Такой сетевой подход привносит новые идеи в традиционный анализ национальных государств. Он особенно подходит для анализа регуляторной роли негосударственных акторов, таких как НПО и транснациональные корпорации (ТНК). Этот подход обладает большим потенциалом для того, чтобы понять, как утверждение транснациональными корпорациями стандартов распределения выгод может повлиять на локальные сообщества и коренные народы, насколько эффективны эти регуляторные инициативы и при каких условиях они адаптируются и меняются со временем. В разных регионах России во время полевой работы я выделила несколько идеальных типов взаимодействия и распределения выгод.

1. Режим партнёрства: интенсивное глобальное/локальное взаимодействие акторов. Трёхсторонние договоры о партнёрстве между государством, компаниями и коренным населением основаны на стандартах распределения выгод и применяются на месте. Режим партнёрства поощряет развитие, расширение возможностей, самообеспеченность и совместное с коренными сообществами принятие решений. —на Сахалине

2. Режим корпоративной социальной ответственности (Corporate social responsibility-CSR): в этом режиме доминирует сеть нефтяной компании. Компания придерживается стандартов распределения выгод и применяет эти стандарты на месте, однако консультируется с другими акторами лишь ограниченно. Режим CSR

влечёт за собой, по большей части, компенсацию ущерба локальным сообществам и ограниченное взаимодействие с коренным населением.—В Ханты-Мансийском Автономном округе и в Сибири

3. Патерналистский режим: в этом режиме доминирует государство, а глобальное/локальное взаимодействие между акторами минимально; стандарты распределения выгод не имеют большого значения. Государство предоставляет поддержку локальных сообществ и коренных народов в неденежной форме, компания присоединяется к усилиям государства или же заменяет его в этом контексте. В России, к примеру, патерналистский режим проистекает из сохраняющихся последствий советского прошлого, и часто приводит к тому, что коренные народы начинают зависеть от нефтяных компаний.—в Ненецком автономном округе и в республике Коми.

Четвертый тип распределения благ—из литературы, на Аляске, вот и нужно было его изучить для полной картины и Голландская программа NWO и программа Фулбрайт дали мне такую возможность

4. Режим акционеров: интенсивное глобальное/локальное взаимодействие между акторами. Корпорации коренных (Native Corporations) предоставляют услуги и работают по контракту с транснациональными нефтяными компаниями. Прибыль от продажи нефти делится между компаниями и коренными сообществами, которые являются акционерами. Коренные народы обладают большими возможностями экономического развития. Так я представляла этот режим пока не поехала на Аляску, но оказалось все совсем не так! Ну, да вы и не спросили о том, что я увидела в поле, поэтому расскажу про то, как было организовано исследование. Это мультисайтное исследование, в первую очередь, сетей гражданского общества а именно, экологических НПО и коренных народов, это две разные сети, в большинстве случаев коренные народы не сотрудничают с экологическими НПО, хотя бывают исключения. Исследование включает интервью с представителями нефтяных компаний, их банков инвесторов, и заинтересованных сторон разного уровня. Третья категория информантов включала представителей государственных агентств разного уровня, регулирующих нефтедобычу, а также, курирующих программы помощи коренным народам. Сети экологических НПО, участвующих в общественном движении против добычи углеводородов, я исследую по всему миру. Много интервью было в Сиэтле, потому что именно там возникло движение против компании Шелл, которая собиралась работать на Аляске и бурить нефть на Арктическом шельфе, а именно «Каяк активизм». Сеть НПО рассеяна по всему миру, поэтому были интервью во многих странах, самые важные в Оттаве, поскольку там директор Арктической Программы WWF, в Голландии, там главный офис Гринпис...в Вашингтоне, Анкоридже и Фэрбанксе тоже располагаются ключевые для исследования НПО, с которыми я работала.

Из нефтяных компаний я исследую Шелл, Конноко-Филлипс и Эксон Мобил—брала интервью в офисах этих компаний разного уровня, в Хьюстоне, в Анкоридже, на Энергетическом Саммите в Фэрбанксе, в Амстердаме (чтобы реконструировать взаимодействие в сетях компаний и с заинтересованными сторонами). При исследовании госструктур, брала интервью в различных государственных агентствах в Вашингтоне, потом в представительствах этих же агентств в Анкоридже и Барроу. В Анкоридже основные заинтересованные стороны: офисы корпораций коренных (native corporations) плюс разного рода консультанты. Джуно, столица штата, там были интервью с представителями сообществ Северного берега в законодательных органах штата. Самым основным было исследование на северном берегу Аляски, в Барроу,

в Нуиксуте и Кактовике. В остальных местах, в Анкоридже и Ждуно я просто доби- рала интервью с теми, с кем не удалось встретиться в предшествующих экспедициях. Во всех населенных пунктах на северном берегу, моими информантами были: пра- вительства племен, региональные и местные корпорации коренных, администрация поселков ну и местные жители, особенно активисты. На северном берегу мне очень хотелось сделать этнографическое исследование, но это оказалось затруднительно, поэтому пришлось только брать интервью и проводить участвующее наблюдение. На Северном берегу я выдержала почти месяц, а для этнографического исследова- ния нужно было бы в каждом из населенных пунктов провести по месяцу или по два. В результате реконструировала сети гражданского общества, государственных структур и компаний, ну и взаимодействие в связи с распределением прибыли. Очень грустная получилась картина, очень неожиданная и в литературе ранее не описанная.

В 2008 году, когда Сара Пэйлин, в ту пору «Самый горячий губернатор самого холодного штата», призывала «бурить». Чем все это завершилось? Бурят?

Нет, к счастью! Речь идет об Арктическом природоохранном резервате (Arctic Wildlife Refuge), святая святых всех американских природоохранных организаций! На него очень часто покушаются, каждый раз, когда проходят новые выборы прези- дента и меняется администрация, экологические НПО уже заранее показывают фото ценных, уязвимых экосистем и белых медведей. Я сама, переживаю за Арктический резерват со времени учебы в Бард Колледже, а вот в это лето побывала там сама, в Кактовике, посмотрела на чарующую красоту этих мест! В Кактовике, кстати, мно- гие представители коренных за бурение. Они считают, что когда создавали резерват, то их обманули экологи...

Земля принадлежит корпорации коренных деревни Кактовик (native village corporation), но они не могут ей воспользоваться без решения конгресса, и очень из-за этого расстраиваются. Сенатор Лиза Марковски подливает масла в огонь! В послед- ние годы в Кактовике стал развиваться туризм, масса людей приезжает наблюдать за белыми медведями. Когда коренные добывают кита, то оставляют кости с остат- ками мяса у берега, медведи приходят ими поживиться, а туристы слетаются на это посмотреть. Появились местные туристические фирмы, и они, вместе с экологами, против бурения. Думаю, что если Клинтон будет президентом, то она не покусится на Арктический резерват, Билл Клинтон, в свое время, его защищал, ну а уж Альберт Гор и подавно! Если Трамп будет президентом, то я очень надеюсь, что цены на нефть останутся низкими, шельфовая нефть перегрузит рынок, ну и Арктический резерват как жил, так и будет жить!

Маша, в чем Вы видите прикладное, практическое значение Ваших результатов в России и в других странах?

С этим дело не простое... Один раз я написала грант для Института эволю- ционной физиологии и биохимии в Национальный совет обороны США (National Defense Council) по программе борьбы с терроризмом. В Лаборатории изучали меха- низмы ходьбы тараканов и механизмы машущего полета насекомых. Ну я и написала, что наши исследования позволят американским ученым дистанционно управлять ходьбой тараканов, и тараканы смогут обезвреживать бомбы. Все очень смеялись над этой заявкой, но грант прошел. Через год приехали американцы, проверять, как идет проект, все очень боялись, что проект закроют, но американцам из военного

ведомства все понравилось, они с интересом смотрели препараты, и одобрили следующий транш. Потом лабораторию чуть в России не засекретили. Исследователи честно делали все то, что обещали, ну а уж учить тараканов обезвреживать бомбы предполагалось по результатам этих исследований не нам. Во всех проектах я всегда пишу о том, как могут использоваться результаты исследования, и как мы будем их доводить до сведения лиц принимающих решения (decision makers), но это не значит, что они наши результаты подхватят и применят.

В России ЦНСИ иностранный агент, якобы мы работаем на запад, всегда готовы охраной природы подорвать экономику страны и, в особенности, ее стратегический ресурс-нефть. Я усвоила, что если хочется практически использовать результаты исследований, но нужно самим этим и заниматься, не полагаясь на лиц принимающих решения (decision makers). В моей группе мы так и делаем, проводим исследования, а потом сами на их основе разрабатываем тренинги для НПО, или местных сообществ. Антонина Кулясова фанат этого дела, эта развивает в деревнях альтернативное образование, самоорганизацию, строит и развивает эко-деревни. Встает вопрос, а нужно ли учить западной демократии жителей Российской глубинки, нужна ли такая социологическая интервенция? Я всегда руководствуюсь результатами наших исследований, когда занимаюсь консалтингом компаний или работаю аудитором. По лесной сертификации, например, конечно я провожу аудит не там, где проводила исследование, иначе был бы конфликт интересов. Но благодаря исследованиям в одном регионе, очень легко догадаться какие несоответствия будут у компаний в других регионах, трудности ведь типичны. Сразу ясно, куда и как смотреть. Офис FSC в Бонне держит специального сотрудника, который читает научные работы по лесной сертификации и каждый год пишет отчет, который используется для корректировки действий организации. Я включаю в дизайн интервью то, что интересно FSC Интернэшнл и FSC – России, выступаю с аналитическими докладами на генеральных ассамблеях.

В нефтяной отрасли консультировала Сургутнефтегаз, по проекту дорожной карты губернатора Ханты-Мансийского автономного округа, после нашего исследовательского заключения Сургутнефтегаз меня близко к себе не подпускает, потому, что я и сотрудники описали возможные сценарии последствия бурения в Природном Парке Нумто. Мы с Ириной Олимпиаевой напишем статью об этом, уже начали. В этом случае во главе угла было прикладное исследование, которое переросло в академическое. Мне самой больше интересны фундаментальные исследования, интересно сделать вклад в социальную теорию. Конечно же, в учебных курсах использую результаты наших исследований. Особенно в Университете Лапландии, где курс, который читаю об экологическом законодательстве и экологической политике России. Как вы знаете, я сейчас исследую распределение прибыли между нефтяными компаниями и коренными народами в России и США. Так вот мы с Ассоциацией Алеутов, которые являются постоянным представителем в Арктическом совете, готовим предложения в рабочую группу по Устойчивому развитию с предложением разработки глобальных рекомендаций по распределению прибыли.

В рамках Арктической программы Фулбрайт мы с коллегами из всех арктических стран разрабатываем рекомендации по переходу к возобновляемой энергетике в Арктике. В октябре у нас назначена встреча с Джоном Керри, в Вашингтоне, мы тесно работаем с министерствами и ведомствами арктических стран (со всеми кроме Российского, я единственный представитель России в программе, и отказалась взять

на себя труд по работе с ними, нет у меня на это ни желания, ни сил). Наш аналитический доклад находится на рассмотрении сразу нескольких министерств. Канада уже пообещала внедрить часть наших рекомендаций. Если действительно, наши рекомендации найдут практическое применение, то я поверю в прикладную значимость наших исследований.

Завершим нашу стремительную беседу традиционным вопросом: «Какие у Вас планы, задумки на ближайшие несколько лет?»

Та жизнь и работа, которая у меня есть сейчас, очень мне нравится, поэтому в планах ее продолжать. Очень хочу дальше развивать мою теорию Сетей генерирующих управление, хотя есть сомнения в том, что она когда-нибудь выйдет в мейнстрим, уж больно сложна и многоярусна. Сейчас ее используют в качестве теоретической рамки пять аспирантов в Финляндии и Голландии, не густо... Хочется опубликовать исследования, которые я провожу для удовольствия, в виде хобби. Например, исследую по всему миру хостелы как социальное пространство. Останавливаюсь в хостелах даже в тех случаях, когда у меня есть грантовое финансирование на отель в 5 звезд. Беру интервью у менеджеров, владельцев, гостей и пишу путевые заметки. Сейчас живу в 197-ом хостеле на Гавайях, материал громадный, но для анализа времени не хватает. Мой контракт с университетом Вагенингена закончится через два года, по Голландским законам нельзя более четырех лет подряд работать по контрактам. Можно сделать перерыв в полгода, а потом продолжить работу по новому контракту. Я уже почти 12 лет в Вагенингене, было бы интересно начать что-то новое. Я пока еще не работала в Канаде, а хотелось бы освоить это пространство или поехать в какой-нибудь латиноамериканский университет, попробовать преподавать на испанском языке. Совершенно определенно то, что я буду продолжать работать в ЦНСИ и не заброшу свою группу экологической социологии, буду поддерживать наш Центр!

Спасибо, Маша, за добрую совместную работу.